

Реальный сектор

3. Что нужно для того, чтобы оттолкнуться ото дна?

Судя по данным статистики и мартовских опросов, ждать возобновления устойчивого роста промышленности пока не приходится. Несмотря на глубокую номинальную девальвацию рубля, Россия с точки зрения динамики индикаторов конкурентоспособности в период с 2000-го года находится ниже всех крупнейших экономики ОЭСР и БРИКС. Поэтому для возобновления роста ее экономика нуждается в серьезных реформах, не нарушающих тренд к торможению инфляции.

После роста промышленного производства в феврале на 1% год к году (см. рис. 3.1), вызвавшего прирост базовых отраслей на 0,6%, определенную интригу несут ожидаемые данные статистики Росстата за март. Вдруг февральский рост в годовом выражении был вызван не лишним рабочим днем в этом високосном году (что наиболее вероятно), а реальным улучшением экономической конъюнктуры? Поскольку точных данных об отработанных человеко-часах в этом и прошлом году не имеется, за точность календарной корректировки поручиться нельзя. В связи с этим особенно внимательно стоит посмотреть на упреждающую отчетность Росстата – его же опросы промышленных предприятий. А они, к сожалению, большого оптимизма не внушают.

Диффузный индекс фактического выпуска упал в марте на 0,5 п.п. по сравнению с февралем, до 50,5%, а соответствующий индекс ожиданий роста выпуска снизился еще сильнее – на 1,5 п.п., до 55,5% (см. рис. 3.1). Хотя формально нахождение диффузных индексов на уровне выше 50% говорит о росте показателя, но, если посмотреть на ретроспективу, то можно заметить, что диффузный индекс роста выпуска падает ниже 50% лишь при падении промышленности темпами более 5% год к году. Поэтому его относительное сокращение в марте может говорить об уходе промышленности в небольшой минус относительно того же периода прошлого года. Это значит, что **в марте в целом сохранится ситуация на грани**

Рис. 3.1. Динамика показателей конъюнктурных опросов по промышленности России в январе 2009 – феврале 2016 гг., диффузный индекс (кроме запасов), сезонность устранена

Примечание.

Диффузные оценки= сумма долей опрошенных в %:

1. подтверждающих рост показателя в данном месяце или ожидающих его увеличение в ближайшие три-четыре месяца;
2. подтверждающих неизменность показателя в данном месяце или ожидающих его неизменность в ближайшие три-четыре месяца (все с коэффициентом 0.5).

Балансовые оценки= разница долей опрошенных в %, утверждающих, что запасы выше или ниже относительно нормы.

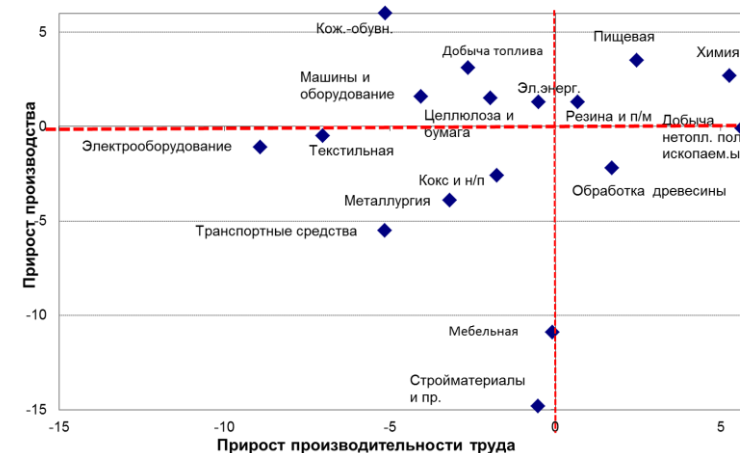
Источник: Росстат, ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

стагнации с небольшим отклонением от нуля (с большей вероятностью ухода в отрицательную сторону).

Какие факторы могут улучшить промышленную конъюнктуру в ближайшей перспективе? Поскольку ожидания роста спроса на ближайший квартал в марте снижались в унисон с ожиданиями роста выпуска (см. рис. 3.1), ждать значительного роста последнего в ближайшие три месяца не приходится. При этом не стоит ждать и большого падения, от которого промышленность предохраняет некоторый недостаток запасов готовой продукции: в марте доля опрошенных, расценивавших запасы как недостаточные, превышала долю тех, кто оценивал их как избыточные на 4 п.п. (см. рис. 3.1). С другой стороны, сам по себе недостаток запасов, как показывает опыт последних трех лет, значимым фактором роста быть не может.

Фактором ускорения может быть рост производительности труда. Данные Росстата показывают, что в промышленности есть несколько секторов, увеличивавших в январе-феврале 2016 г. и объемы выпуска относительно того же периода прошлого года, и производительность труда в 2015 г. (данные по ее динамике несколько запаздывают) (см. правый верхний квадрант на рис. 3.2). Это химическая и пищевая промышленность, выросшие на 2,7% и 3,5%, а также производители резины и пластмасс (1,3%). На эти сектора приходится около 14% добавленной стоимости, создаваемой в промышленности³. К ним можно добавить сектор деревообработки и добычи неэнергетических полезных ископаемых, которые хотя и сократили выпуск (на 2,2% и 0,1% соответственно), но характеризуются ростом производительности труда (см. правый нижний квадрант на рис. 3.2). Если исходить из отмечаемого в литературе факта опережающего роста производительности, в ближайшей перспективе эти сектора также могут

Рис. 3.2. Прирост производства в январе-феврале 2016 г. и производительности труда в 2015 г. в секторах промышленности, в % к прошлому году

Примечание. н/п - нефтепереработка

Источник: CEIC Data.

³ Здесь и далее используются веса добавленной стоимости 2010 г. с сайта Росстата по секторам промышленности, охватывающие около 95% промышленного производства. При этом 5,3% объема промпроизводства не распределены Росстатом по основным видам экономической деятельности в промышленности.

начать увеличивать выпуск продукции. В совокупности сектора фактического и потенциального роста составляют около 19% добавленной стоимости промышленности.

В ряде секторов рост выпуска, наблюдавшийся в январе-феврале текущего года, не подкреплялся ростом производительности труда, а значит, по определению, был неустойчив. К этим секторам относятся: производители кожи и обуви, добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, производители машин и оборудования, предприятия целлюлозно-бумажной промышленности и электроэнергетики (см. левый верхний квадрант на рис. 3.2). В январе-феврале они увеличили выпуск темпами от 1,3% до 6% год к году, и на них приходилось более 45% промышленной продукции. Важнейший для России показатель прироста добычи нефти и газа в начале текущего года составлял плюс 3,1% и минус 1,5% соответственно. Такая разница не в последнюю очередь связана с исторически сложившейся большей монополизацией газового сектора и слабой внутриотраслевой конкуренцией.

Застойное падение наблюдается в тех секторах, где падение или стагнация выпуска наблюдается на фоне снижения или стагнации производительности труда (см. левый нижний квадрант на рис. 3.2). Этот сегмент охватывает нефтепереработку, отрасли инвестиционного комплекса (включая металлургию, производителей транспортных средств и электрооборудования, производителей стройматериалов), а также производителей потребительских товаров – текстильную промышленность и прочие производства (в частности, мебельщиков). На эти сектора приходится значительная часть (более 30%) объема добавленной стоимости промышленности. Правда падение производства мазута (на 21,6% в январе-феврале год к году) может быть связано с повышением глубины переработки, что вряд ли плохо⁴, однако снижение при этом выпуска нефтепродуктов в январе-феврале текущего года на 2,7% в годовом выражении

---

⁴ По данным Минэкономразвития, глубина переработки нефтяного сырья в 2016 г. увеличилась на 5,1% по сравнению с январем-февралем 2015 г. и составила почти 77%.

говорит о проблемах с экспортным спросом.

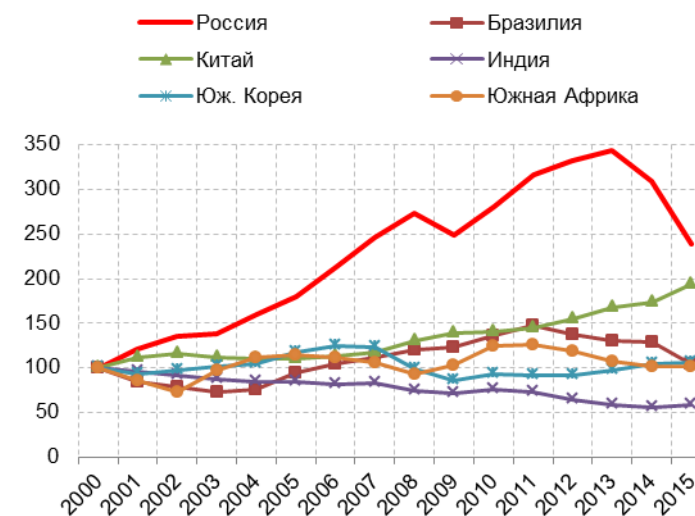
Однако снижение выпуска в производстве транспортных средств и электрооборудования на 5,5% и 1,1% можно расценивать весьма негативно, так как эти сектора важны в плане обеспечения создания в среднесрочной перспективе материального источника модернизации экономики – отечественного оборудования. В силу этого на фоне резкого удорожания импорта их нахождение в зоне застоя осложняет возобновление устойчивого роста в промышленности, да и в экономике в целом.

При этом надо отметить, что, с точки зрения относительных удельных трудовых издержек, российская экономика не повысила коренным образом своей конкурентоспособности, несмотря на значительную девальвацию. Кто-то из конкурентов (как Бразилия) тоже резко девальвировал свою валюту, кто-то (как Индия) не допустил опережающего роста зарплаты в валютном выражении над производительностью труда в 2000-е годы.

По нашим расчетам с использованием данных ОЭСР, резкое снижение в 2013-2015 гг. относительных удельных трудовых издержек (RULC) в России с пика в примерно 350% от уровня 2000 г. до примерно 240% лишь резко уменьшило разрыв с Китаем, который тоже увеличивал удельные издержки из-за роста зарплат, хотя и не столь масштабно, как это делала Россия в 2000-е годы (см. рис. 3.3). Остальные страны БРИКС и Южная Корея, как это видно из этого же рисунка, демонстрировали в 2000-е годы весьма сбалансированные темпы роста RULC относительно своих торговых партнеров.

Надо отметить, что, помимо RULC, важным индикатором конкурентоспособности является гораздо более популярный в России индикатор реального эффективного валютного курса национальной валюты (REER), который в 2000-е годы был основным таргетируемым ориентиром для Банка России. Однако анализ результатов специальных исследований показывает, что только на него ориентироваться нельзя, поскольку при его расчете используется индекс потребительской инфляции, а этот индекс охватывает и те товары и услуги,

Рис. 3.3. Динамика относительных удельных трудовых издержек (RULC) России и других крупных экономик, 2000=100%

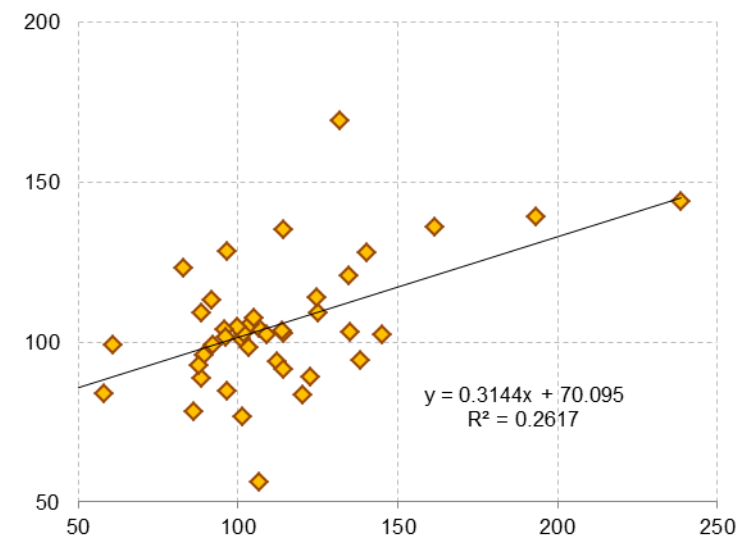

Источник: ОЭСР, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

которые не участвуют в международной конкуренции (в результате показатель реального курса валюты искажает динамику конкурентоспособности). На это справедливо указывают эксперты Банка России в своем обзоре экономической конъюнктуры за март 2016 г.⁵ Кроме того, как показывает наш расчет, эти показатели статистически не очень тесно коррелируют и, судя по всему, скорее, дополняют друг друга (см. рис. 3.4).

В связи с этим, на наш взгляд, имеет смысл рассчитать комплексный индикатор конкурентоспособности крупнейших национальных экономик, учитывающий в равной мере и динамику реального эффективного курса, и динамику относительных удельных трудовых издержек. Проведенные нами расчеты показали, что, с точки зрения этого индикатора, Россия, несмотря на произошедшую девальвацию рубля, к глубокому сожалению, находится в самом неблагоприятном положении среди крупнейших экономик ОЭСР и БРИКС, располагаясь рядом с Китаем и далеко отставая от лидеров такого рейтинга - Японии, Индии, Турции и Мексики (см. рис. 3.5). Этот рейтинг также показывает, что опасения по поводу перспектив китайской экономики небезосновательны. Что касается нашей страны, то рейтинг говорит о том, что **наша страна для возобновления роста нуждается в каких-то других движущих силах, помимо девальвации, в частности, в глубоких структурных и институциональных реформах, которые не уничтожили бы при этом за счет раскручивания инфляционной спирали позитивный результат падения валютного курса рубля.**

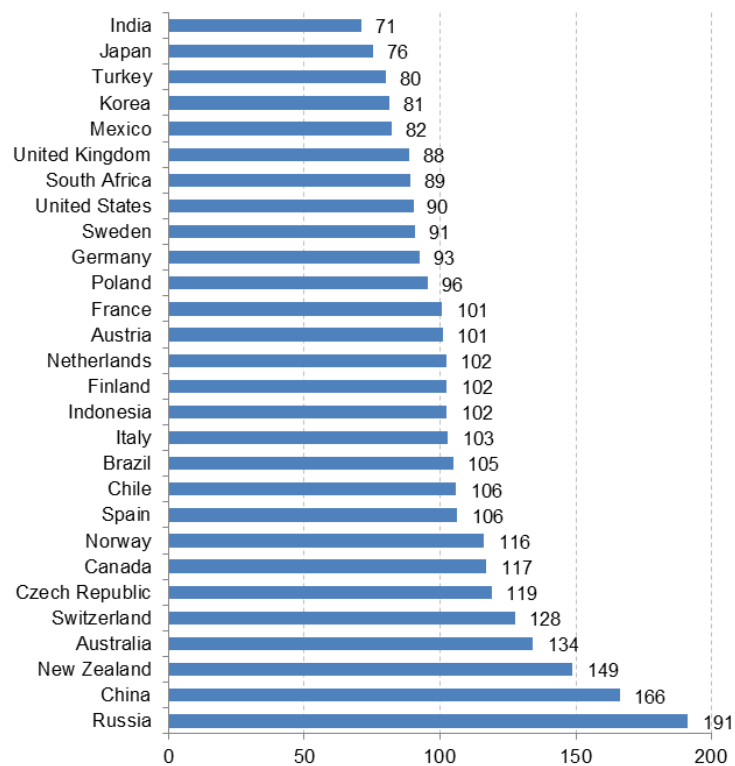
Рис. 3.4. Взаимосвязь динамики относительных удельных трудовых издержек (RULC- по оси X) и реального эффективного валютного курса (REER- по оси Y) в странах ОЭСР и БРИКС, 2015 г. к 2000 г., в %

Источник: OECD, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

⁵ www.cbr.ru/analytics/wps/bulletin_16-03.pdf

Рис. 3.5. Рейтинг крупнейших стран ОЭСР и БРИКС с точки зрения динамики индикаторов конкурентоспособности (REER и RULC) относительно 2000 г., ранжировано по убыванию рейтинга, в %.

Примечание. На рисунке изображен усредненный показатель роста REER и RULC в 2015 г. относительно 2000 г., в %.
Источник: OECD, BIS, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Валерий Миронов